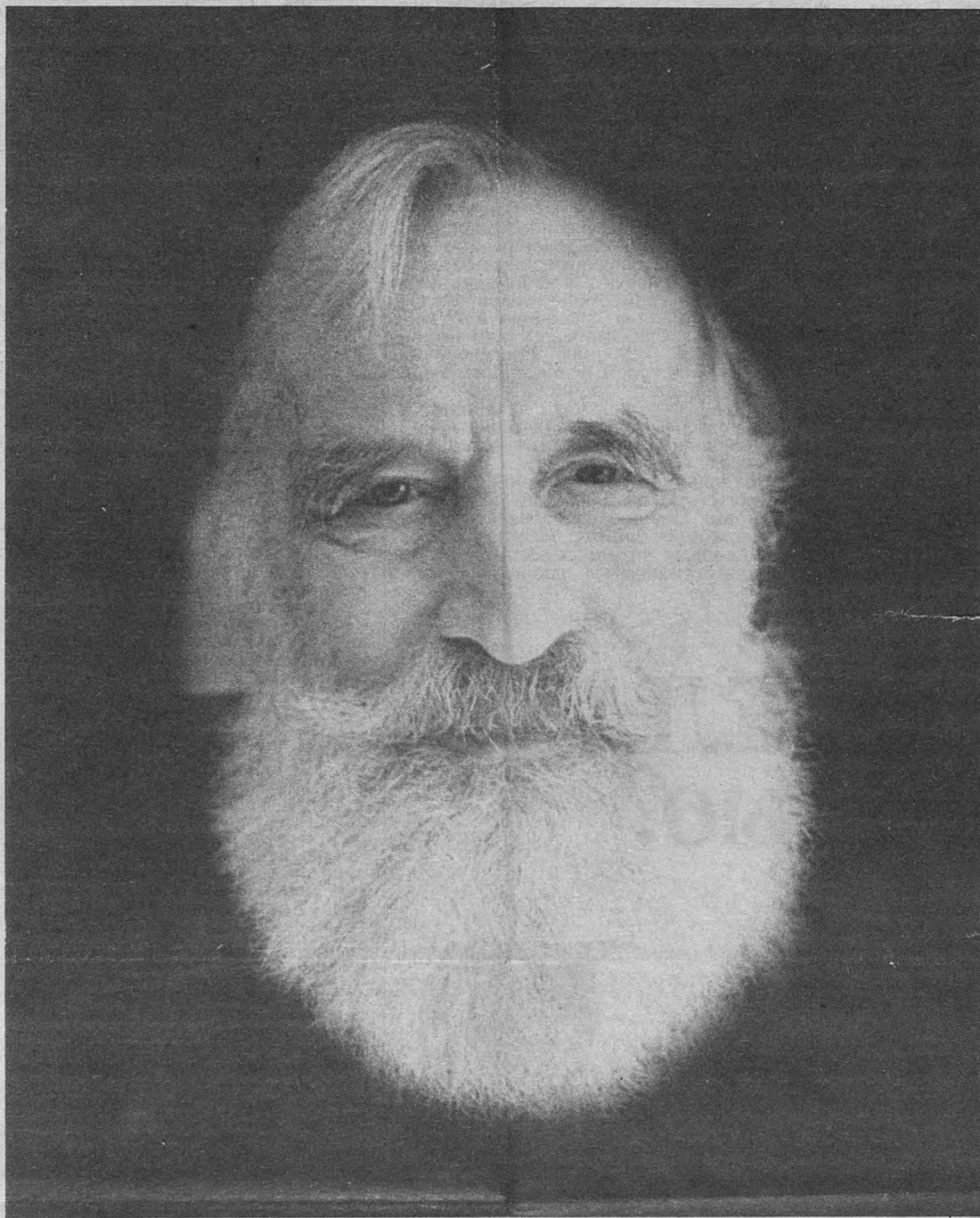

«Живу, чтобы свидетельствовать...»

Рукописи не горят

бель законности началась много раньше. Когда мы со страхом разворачивали газеты, боясь найти в них списки — иной раз на целые полосы — расстрелянных заложников. Виноват человек или нет, если попадал в эту мясорубку, его уничтожали. Так погиб в Минске мой дядя. Его взяли вместе с сыном и обоих как заложников расстреляли. Для чего это делалось? Чтобы настрашить покрепче...

Конечно, печатать «Погружение во тьму» отказались. Почему? Из-за страшных фактов лагерной жизни? А может, она была опасна своей внутренней силой? В книге Волкова предостаточно конкретных реалий времени. Но не только ради них она написана... Однажды он замыслил побег с Соловков на рыбацком судне в Норвегию (вероятно, заговорила кровь предков-моряков). Со своими товарищами по лагерной звероферме, бывшими махновцами, готовили дерзкую экспедицию, но случайность разрушила план. В другой раз ему предложили укрыться на глухой таежной заимке, сам черт не найдет. Он отказался — власть не пересидишь. Некуда бежать, негде спрятаться. Осталось только одно надежное укрытие — твой внутренний мир. В лагере он по памяти составляет антологию любимых стихов и переводит их на английский и французский. Учит наизусть «Илиаду» — в одиночке. Мысленно ниже строки статей — у костра на лесосеке.

Что дало силы «себя не потерять» в этом аду? Вера в бога? Усвоенные с детства понятия о чести и долге? Участие благороднейших людей, встреченных на дорогах ГУЛАГа? В жизни ни от чего не стоит зарекаться, может, пригодится и нам с вами опыт нравственного сопротивления.

Олегу Васильевичу вот-вот исполнится 90. Он пишет заметки из истории Московского университета, в который ему не дали поступить. Воюет за восстановление Сухаревой башни...

Читатель найдет у Волкова то совестливое отношение к слову, какое некогда составляло капитальнейшую черту российской литературы.

Анатолий Кудрявцев.

...Возле Сухаревой башни февральским днем его остановили двое в одинаковых пальто. Подъехали сани. Все произошло настолько быстро и буднично, что прохожие, вероятно, подумали, будто он нанял лихача прокатиться. На Лубянке ему предложили: должность осведомителя или лагерь. Он выбрал второе. Посулы попеременно с угрозами «расшлепать в два счета как замаскировавшегося беляка» ни к чему не привели.

— Теперь мы вас сгноим в лагерях!
— Ничего вы со мной не сделаете!
Шел год 1928-й...

Ну вот, опять лагерные воспоминания? Нет, читатель, поверьте, недаром «Погружение во тьму» Олега Волкова выходит у нас только теперь, на пятом году благословенной гласности, после Рыбакова, Дудинцева, Гроссмана, Солженицына. Последний, кстати, ссылался на Волкова в «Архипелаге». Издательство «Советский писатель», уже в наше смелое время подготовив экспресс-издание, полтора года не решалось с ним расстаться. И теперь, когда «Погружение во тьму» все-таки выходит тиражом в 200 тысяч и «Роман-газета» готовит переиздание, стоит ли обращать внимание на мелочи? Вроде купюр в полтора авторских листа. Тем более что в магазине «Раритет» на Арбате продается полное парижское издание этой книги Волкова. Не диссидента, заметьте, и не эмигранта — одного из советских писателей.

Потомственный интеллигент, правнук адмиралов Лазаревых, в Тенишевском училище он был вместе с Владимиром Набоковым. Впрочем, ему никогда не нравился этот самовлюбленный юнец. В год революции готовился в университет, мечтал о Сорбонне, Оксфорде. В одночасье все перевернулось. Он и близнец Всеволод сделались кормильцами младших братьев и сестер, матери, бабушки. Семья жила в деревне, в тогда уже бывшем имении отца. Накануне Октября отец мог по примеру многих перевести состояние в иностранный банк, укрыться с семьей за границей. Всю жизнь он был предан своим либеральным идеалам — достоинство личности, свободное слово, открытые форумы, где истина рождается из столкновения мнений. Верил в бескровные реформы и дорожил добрым отношением к себе крестьян. Его ждало горчайшее разочарование. «Не мирных и обходительных земских деятелей, сельских врачей и учителей, посвятивших себя деревне, послушались мужики, не им поверили...» — писал позже его сын.

Впрочем, крестьяне, не искушенные в классовой борьбе, зато памятливые на добро, в гражданскую как могли опекали барыню с детьми.

Олег Волков еще успел обжечься на попытках поступить в университет, для дворян закрытый, смириться со службой переводчика в греческом посольстве и прожить в Москве несколько беспечных зыбких лет до ареста в 28-м.

«...И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть, и ад следовал за ним...» Бутырка, Кемь-Перлунт, Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), высылка в Ясную Поляну, «тульское сидение», снова Соловки, ссылка в Архангельск. 10 месяцев одиночки в архангельской тюрьме, «знаменитая» Котласская пересылка, лесоповал в зырянском лагере, год сидения в следственном изоляторе, снова зырянский лагерь, ссылка в Ярцево на Енисее.

В 55-м освобожден, в 57-м реабилитирован по всем пяти судимостям «за отсутствием состава преступления». Принят в Союз писателей за переводы на французский и рассказы, напечатанные в охотничьих журналах. Много писал о природе и в защиту ее, за годы ссылки и лагерей научившись видеть в ней «утешение и прибежище, нечто, не частное человеческой скверне».

В начале 60-х знакомые предложили ему отправиться в путешествие на Соловки, полюбоваться жемчужиной Беломорья. Он отказался. «Или следовало поехать? И указывать своим спутникам: «Здесь агонизировали мусавитисты... Недалеко отсюда в срубе без крыши сидели зимой босые люди. Босые и в одном белье... А в летние месяцы ставили на комары... А вот тут, под берегом, заключенные черпали воду из одной проруби и бегом неслись вылить ее в другую... Часами, под лихую команду «Черпать досуха!» и щедрые зуботычины...»

Но — на дворе стояла «оттепель», печатали «Ивана Денисовича», и Волков принес в «Новый мир» повесть «Под конем» — то была первая попытка коснуться пережитого. Рукопись приняли к публикации. Но Твардовский, опасаясь после Солженицына обвинений в «направлении», не торопился. А те, кто хоронил «оттепель», как раз торопились. Повесть вернулась к автору с резолюцией «До востребования». После того Волков не единожды ее переделывал, что-то убирал, смягчал, пока не стало ясно, что никакие компромиссы не помогут. На тему репрессий наложено табу. Крестный путь, пройденный миллионами, объявили несуществующим.

Шли годы. Сквозь убожество праздников и будней всматриваясь в прошлое, он поневоле начинал сомневаться: «... Не брежу ли? И не привиделись ли мне ямы

«Погружение во тьму» — лагерные воспоминания Олега Волкова, одного из старейших советских писателей. Книга замечательная. Почему же она вышла только сейчас, на пятом году перестройки?

Рукописи не горят

с накиданными трупами на Соловках, застреленные на помойках Котласской пересылки, обезумевшие от голода, обмороженные люди, «саморубы» на лесозаготовках, набитые до отказа камеры смертников в Тульской тюрьме, мертвые мужики на трамвайных рельсах в Архангельске...».

(Похоже было на то, как ранее, доведенный бесконечными допросами и сидением в одиночке до изнурения, он иной раз спрашивал себя: а не шпион ли я в самом деле?)

Все равно никто точно не скажет, что заставлял семидесятилетнего писателя впрячься в ярмо несомненно мучительных воспоминаний. Может быть, мысль, что ради этой книги бог спас его в 29-м, когда остаток лагерного срока ему заменили высылкой и он покинул Соловки незадолго до известного расстрела заключенных (о котором вспоминают многие солдовчане, например Д. С. Лихачев). В 31-м он голодовкой отбивается от сфабрикованного обвинения, за которым стоит высшая мера. В 39-м заканчивает карьеру лесоруба с диагнозом «туберкулез» — и выздоровливает. В 42-м работает с геологами в тайге, не ведая, что записан в министры подпольного правительства и его ищут, дабы привести приговор в исполнение. В 44-м беспомощного лагерного доходягу отыскивает и спасает доктор, знакомый еще по Кемской пересылке. «...И вот я живу, чтобы свидетельствовать...»

«Погружение во тьму» написано под диктовку памяти, без оглядок на любую из цензур — брежневскую, эмигрантскую или иную... Не потому ли книга так не просто шла к читателю?

Режим не мог довольствоваться простой лояльностью подданных. Ему позарез требовался «новый человек», насквозь прозрачный, удобный в употреблении. В конце 20-х Соловецкий архипелаг, модель грядущего Архипелага, заполняют теми, кто не соответствует, чье присутствие в обществе раздражает режим. Изъяты из обращения представители бывших образованных сословий, rozumется, и духовенство. Церковь с ее евангельскими заповедями, даже безупречно лояльная, мешала утверждению новой морали. Волков застаёт на Соловках цвет уничтожаемой церкви. Настоятели упраздненных монастырей, сонм священников и диаконов, более двадцати епископов. Православные иерархи, обращенные в

дворников и сторожей, но нравственно недостижимые для тюремщиков.

Богослужения в арестантской церкви совершались нередко по несколько епископов. В 1928-м заключенным еще разрешались эти службы. Но и позже, когда в лагере за отправление любых треб духовных лиц расстреливали, а мирянам давали пятилетний «довесок», находились такие, как отец Иоанн. Он совершал богослужения в лесу для горстки смельчаков; словно воскресали легенды первых веков христианства. Отец Василий после соловецкого расстрела служил панихиду по убиенным, зная, что за это должен будет разделить их участь. Сектанты отказывались исполнять приказы лагерного начальства и безропотно сносили многочасовую пытку комарами. Довелось наблюдать чудеса, доступные лишь диктатуре: в середине войны на лагерных поверках стали вдруг выкликать и освобождать священнослужителей. Сталин перекрестил церковь из врага в союзника, восстановил патриаршество. Монетному двору велено чеканить орден святого Александра Невского. Быстрота перемены не оставляла иллюзий, диктатору требуется лишь подновить обремененный к Западу фасад и привлечь на свою сторону русских патриотов.

В 37-м в лагере появились «падшие ангелы» — репрессированные партийные и советские работники. Много позже, читая самиздатские еще воспоминания Евгении Гинзбург — безусловно, честный рассказ о пройденных испытаниях, — он тщательно ждал, что автор заговорит и о своей вине в происшедшей трагедии. Волков, попавший за решетку на десять лет раньше автора «Крутого маршрута», вероятно, вправе спросить, почему она увидела произвол, только когда сама оказалась в тюрьме? Сгоняли в гибельные края дотла разоренных мужиков. Ставили к стенке оппозиционеров. Священник любой религии, недострелянный офицер, старый университетский профессор, бывший земский деятель или просто дворянин — никто из «социально чуждых» не был гарантирован от места «в полторы доски на нарах». Все — в порядке вещей. Но вот по проторенной дороге отправляются номенклатурные работники. И этот момент объявляется началом репрессий...

— Я не могу провести «демаркационную линию» ни по 37-му, ни по 28-му, конечно, памятного для меня году. Ги-